

На правах рукописи

Пролыгина Ирина Викторовна

ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ РИТОРИКИ
В ТЕКСТАХ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Специальность 10.02.14 — Классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2008

Работа выполнена на кафедре классической филологии
филологического факультета
Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Афиногенов Дмитрий Евгеньевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Максимович Кирилл Александрович,
Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

кандидат филологических наук,
Серегин Андрей Владимирович,
Институт философии РАН

Ведущая организация: Православный Свято-Тихоновский
Гуманитарный Университет

Защита состоится «__» _____ 2008 г. в _____ часов на заседании
Диссертационного совета Д-501.001.82 при Московском Государственном Университете им.
М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-ый учебный
корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А.М. Горького
Московского Государственного Университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2008 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Савельева О.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Реферируемая работа посвящена исследованию риторической техники одного из величайших позднеантичных христианских ораторов – Иоанна Златоуста. Прекрасное образование, блестящее проповедническое дарование и невероятная популярность на протяжении столетий делают Златоуста одной из ключевых фигур своей эпохи. Его тексты оказались одними из наиболее актуальных источников как для исследования различных аспектов исторической проблематики и христианской богословской мысли, так и для филологической перспективы. Однако аутентичность приписываемых ему текстов остается и по сей день неразрешенной проблемой. Под именем Златоуста сохранился огромный Псевдо-Златоустов корпус сочинений, который составляют не только очевидные *Spuria*, но и тексты, чье авторство остается дискуссионным. В связи с этим наиболее актуальным направлением златоустоведения на данный момент является исследование его стиля и установление надежных критериев подлинности, основанных на изучении риторической техники его сочинений. Кроме того, исследование риторического инструментария может послужить основой и для изучения поэтики текстов Златоуста.

Состояние научной разработанности темы нашло отражение в трех статьях прошлого и настоящего столетий, посвященных освещению достигнутых результатов и актуальных вопросов златоустоведения. Р. Картер на конференции 1967 г. обобщил результаты первой половины XX века и очертил круг проблем, стоящих перед современными исследователями этой темы¹. Было отмечено, что одними из главных задач являются подготовка критических изданий, установление хронологии произведений Златоуста и определение критериев аутентичности. Ключевая роль в решении этих проблем отводилась исследованию стиля,

¹ Carter R. The future of Chrysostom studies // SP 10, 1970, p. 14-21.

который мог бы способствовать выбору разночтений и установлению стилистических критериев для уточнения хронологии и аутентичности. На симпозиуме 1972 г. Р. Картер еще раз подчеркнул необходимость стилистического анализа текстов Златоуста².

На конференции 2005 г., посвященной Иоанну Златоусту, В. Майер подытожила результаты работы последних двадцати лет. Были отмечены достижения в области критических изданий текстов, как подлинных и опубликованных в серии SCh, так и прежде неизданных текстов из Псевдо-Златоустова корпуса³. В области установления аутентичности была отмечена значимость исследований С. Войку, К. Утеманна и М. Обино⁴, которые за последние годы существенно расширили научные представления о границах и авторстве корпуса и выработали методологию, основанную на установлении стилистических маркеров. Были отмечены работы Л. Бротье, Ф. Дрюэ, О. Паскато и В. Пиикко⁵, исследовавших классическую традицию в текстах Златоуста, повлиявшую на риторический инструментарий Златоуста.

Ввиду большого объема библиографии, отражающей состояние научной разработанности темы, историографическому обзору была

² Carter R. The future of Chrysostom studies. *Theology and Nachleben*, in SYMPOSIUM. *Studies ob St. John Chrysostom // Analekta Blatadon 18, Thessaloniki, 1973, p. 129-136.*

³ Mayer W. Progress in the field of Chrysostom studies (1984-2004) // Giovanni Crisostomo. *Oriente e Occidente tra IV e V secolo. XXXIII Incontro di studiosi dell'antichità cristiana, Roma, 6-8 maggio 2004. Roma, 2005.*

⁴ Последняя публикация М. Обино относится к 1990 г: Aubineau M. *Ps.-Chrysostome*, In S. Stephanum: *Proclus de Constantinople, l'impératrice Pulchérie et saint Étienne // Fructus Centesimus, Mélanges offerts à Gerard J.M. Bartelink. Steenbrugge, 1989, p. 1-16; Uthemann K., Regtuit R. & Tevel J. Homiliae Pseudo-Chrysostomicae, Instrumentum studiorum, Vol. I. Turnhout, 1994; Voicu S. Pseudo-Giovanni Crisostomo: I confini del corpus // Jahrbuch für Antike und Christentum 39, 1996, p. 105-115.*

⁵ Brottier L. *Le port, la tempête et le naufrage: sur quelques metaphors paradoxales chez Jean Chrysostome // RSP 1994, 68, № 260, p. 145-158 и др; Druet F-X. Langage, images et visages de la mort chez Jean Chrysostome. Namur, 1990; Pasquato O. Forme della traduzione classica nel De inani gloria ... // Orientalia Christiana Periodica 58, 1992, p. 253-264; Pyykkö V. Die griechischen Mythen bei den grossen Kappadokieren und bei Johannes Chrysostomus. Turku, 1991.*

посвящена первая глава диссертации, в которой отражены основные направления, в рамках которых изучался технический инструментарий Златоуста, и указаны наиболее важные исследования.

Цели и задачи исследования. Несмотря на достигнутые за последние десятилетия результаты филологов в изучении этой обширной темы, до сих пор не получил должной оценки системный аналитический подход к изучению подлинных текстов Златоуста, и соответственно не существует основательного исследования стилистического своеобразия его сочинений, от которого можно было бы отталкиваться при работе с текстами Псевдо-Златоустова корпуса. Наряду с прекрасно разработанным анализом стилистических маркеров и лексико-фразеологического уровня текстов Златоуста, при установлении аутентичности совершенно не уделяется внимания ритму его сочинений. Кроме того, исследования риторических особенностей отдельных произведений проповедника обычно сводились к изолированному рассмотрению их вне контекста ораторской традиции того периода.

Ввиду сформировавшихся научных интересов целью нашей работы является исследование технического инструментария Златоуста в контексте риторической традиции своего времени. Цель настоящего диссертационного исследования обусловила постановку и разрешение нескольких задач:

1) рассмотреть филологические направления, в русле которых изучалась риторическая техника Иоанна Златоуста, дать обзор релевантной научной библиографии

2) дать системно-аналитическую характеристику стилистическому своеобразию текстов Златоуста, рассмотреть тропы, фигуры и ритм Златоуста

3) представить полученные данные в виде статистических таблиц, наиболее точно отражающих специфику текстов проповедника

4) выработать стилистические критерии аутентичности, основанные на исследовании значительного числа текстов

5) показать, как стилистический анализ функционирует при работе с текстами, чье авторство остается дискуссионным

6) включить в исследование такой феномен позднеантичной риторики, как Вторая софистика, наследником которого был Златоуст, и рассмотреть специфику христианских теорий стиля

Методология исследования. Для достижения поставленных задач используется метод статистического и сравнительного анализа, который позволяет наиболее точно отразить литературное своеобразие автора и представляет надежные данные «внутренней критики», на которые можно опираться при установлении критериев аутентичности. Полученные данные приводятся в таблицах, отражающих частотность употребления тех или иных риторических приемов. Особое внимание было уделено способу исследования ритмических единиц в текстах Златоуста, при работе с которыми мы опирались, главным образом, на методологию исследования ритма, разработанную в прошлом веке Г. Девингом, А. де Гроотом, Ст. Скиминой⁶ и дополненную В. Хёранднером⁷. Важной составляющей избранного в диссертации исследовательского метода стала непосредственная работа с оригинальными греческими текстами. Тексты Златоуста, привлекаемые к исследованию, также как тексты других авторов, переведены нами с древнегреческого языка. В том случае, когда использовались уже существующие переводы, они были заново сверены с текстом оригинала, что потребовало в ряде случаев внесения в них изменений. В работе широко использовались

⁶ Dewing H. The Accentual Prose Rhythm in Greek // American Journal of Philology 31, 1910, p. 312-328. Groot A.W de. Der antike Prosarythmus, zugleich Fortsetzung des Handbook of Antique Prose-Rhythm. Groningen 1921, Skimina S. État actuel des études sur le rythme de la prose grecque. Cracow, 1937.

⁷ Hörandner W. Der Prosarythmus in der rhetorischen Literatur der Byzantiner, Wien, 1981.

электронные текстовые базы данных, что позволило учесть значительную часть релевантных греческих текстов.

Научная новизна. Научная новизна работы состоит в том, что впервые предпринят комплексный риторический анализ ряда сочинений Иоанна Златоуста, а не отдельных сочинений, как было ранее. Полученные данные наглядно отражены в виде таблиц с приведением статистических данных употребления тех или иных приемов. Исследование риторической техники предваряется обзором позднеантичной риторики, в частности, такого явления, как Вторая софистика, которая оказала значительное влияние на образование Златоуста. Таким образом, риторический инструментарий оратора рассматривается не изолированно, а включен в контекст существующей традиции. Дана оценка новейшей научной литературе по этой проблеме. Кроме того, обращено внимание и на специфику христианских теорий стиля. В ходе исследования выработаны надежные стилистические критерии аутентичности сочинений Псевдо-Златоустова корпуса. Тексты проповедника рассмотрены согласно хронологическим периодам. Поэтому важным итогом стало также установление критериев, позволяющих уточнить хронологию и датировку его текстов. Впервые было рассмотрено ритмическое своеобразие текстов двух современников Златоуста: Севериана Гавальского и Прокла Константинопольского, которые являются одними из вероятных авторов корпуса. Наконец, полученные теоретические результаты были применены на практике, и проведен ритмический анализ трех гомилий из Псевдо-Златоустова корпуса, вызывающих дискуссии относительно авторства.

Теоретическая и практическая ценность. Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы определяется тем, что ее результаты открывают новые возможности для исследования Псевдо-Златоустова корпуса. Методология исследования имеет важную теоретическую значимость при анализе текстов Златоуста, а также предполагаемых авторов

этого корпуса. Практическое применение имеют предложенные критерии аутентичности, которые могут использоваться для верификации тех или иных сочинений. В работе также находит оценку новейшая научная литература по позднеантичной риторике, которая может найти применение в рамках лекционного курса, посвященного этой проблеме. Методология исследования ритмических клаузул может стать основой для проведения специальных семинаров.

Апробация работы. Диссертация была представлена в порядке предзащиты и обсуждена на заседании кафедры Классической филологии МГУ им. М.В.Ломоносова. В ходе работы были опубликованы три статьи в научных журналах по теме исследования. В 2006 г. вышла монография диссертантки, посвященная исследованию и переводу текстов Огласительных гомилий Иоанна Златоуста. В 2007 г. была опубликована рецензия на эту работу⁸.

Структура диссертации. Диссертация (197 с.) состоит из введения (с. 3-9), четырех глав (с. 10-158), заключения (с. 159-163), двух приложений, содержащих сводные ритмические таблицы и ритмическое исследование трех гомилий из Псевдо-Златоустова корпуса (с. 164-182) и списка использованной литературы, в которой приводится перечень источников и литературы, использованных в исследовании (с. 183-197).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **ВВЕДЕНИИ** (с. 3-9) обосновывается выбор темы и ее актуальность, обсуждается степень изученности проблемы и научные перспективы ее изучения, излагаются цели и задачи предмета исследования, описываются общие методологические принципы, принятые в работе, отмечена научная новизна и значимость работы, характеризуется структура исследования.

⁸ П. Михайлов // *Альфа и Омега* 1 (48), 2007, с. 363-365.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ диссертации, **История изучения риторического инструментария Иоанна Златоуста** (с. 10-34) представлен краткий обзор наиболее принципиальных исследований и характерных тенденций в изучении риторического инструментария Иоанна Златоуста. Необходимость такого очерка объясняется огромным объемом общей библиографии по Златоусту и отсутствием систематического обзора непосредственно филологических исследований. Было выделено пять направлений, выстроенных не столько в хронологическом, сколько в типологическом порядке. Первое *историко-риторическое* направление охватывает изучение риторической техники Златоуста в историко-культурном контексте IV-V вв. н.э. Отмечено, что фундаментальными работами, определившими изучение риторического инструментария Златоуста в XX веке, явились работы начала века Л. Меридье и М. Гине⁹. Опираясь на исследования Э. Родэ и В. Шмида, исследователи систематизировали риторические приемы, присущие ораторам Второй софистики и проанализировали степень их употребления в текстах каппадокийцев. Разработанная ими методика анализа легла в основу ряда диссертаций 20-40-х гг. прошлого столетия, посвященных риторическому исследованию отдельных произведений Златоуста, среди которых можно назвать диссертации Т. Амерингера (1921 г.), М. Бёрнс (1930 г.), и В. Маата (1944 г.)¹⁰.

Дальнейшие исследования развивались в русле изучения непосредственных литературных источников и жанров, повлиявших на стиль Иоанна Златоуста. Внимание ряда исследователей, в

⁹ *Méridier L.* L'influence de la seconde sophistique sur l'oeuvre de Grégoire de Nysse. Paris, 1906; *Guignet M.* St. Grégoire de Nazianze et la Rhétorique. Paris, 1911.

¹⁰ *Ameringer T.E.* The Stylistic Influence of the Second Sophistic on the Panegyric Sermons of St. John Chrysostom. Washington, 1921. *Burns M.* Saint John Chrysostom's Homilies on the Statues. A Study of their Rhetorical Qualities and Forms. Washington, 1930; *Maat W.* A Rhetorical Study of St. John Chrysostom's De sacerdotio. Washington, 1944.

частности М. Симонетти (1953 г.) и А. Пьеданеля¹¹ (1982 г.), было сосредоточено на таком гомилетическом жанре как энкомий и эпитафий. Отмечено, что наибольшее влияние традиционного панегирика проявилось в использовании риторических фигур, а отличительной чертой панегириков Златоуста является использование выражений, характерных для жанра диатрибы.

Фокус исследования был направлен также и на объяснение контраста между практическим использованием риторической техники и теоретическим осуждением его применения в текстах Златоуста. В фундаментальном исследовании А. Фестюжера¹² (1959 г.) было рассмотрено отношение Златоуста к греческой *παιδεία* и отмечено, что большая часть высказываний Златоуста дается на фоне противопоставления двух типов образования: светского и духовного и стремления доказать преимущество последнего. Соответственно, при оценке этих отзывов непременно должен учитываться этот апологетический характер высказываний.

Классическое образование Златоуста и риторические элементы его гомилетики рассматриваются как общепризнанные и не подлежащие сомнению в работах, посвященных исследованию традиции «христианской риторики» в целом, например, у Г. Кеннеди (1980 г.) и А. Кэмерона (1991 г.)¹³.

Отмечено, что в последние годы в исследовании риторики Златоуста внимание исследователей привлекла интерпретация новозаветных текстов в свете риторического образования и практики. В статье В. Кинцига, ставшей частью

¹¹ *Simonetti M.* Sulla struttura dei panegyrici di S. Giovanni Crisostomo // *Rendiconti dell'Istituto Lombardo di Scienze e di Lettere* 86, 1953, p. 159-180; *Piédagnel A.* Panégyriques de S. Paul, SCh 300. Paris, 1982, p. 21-38.

¹² *Festugière A. J.* Antiochie païenne et chrétienne: Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie. Paris, 1959.

¹³ *Kennedy G.A.* Classical Rhetoric and its Christian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. London, 1980, p. 145-46; *Cameron A.* Christianity and Rhetoric of Empire. Berkeley, 1991, p. 86-88.

фундаментального исследования С. Портера¹⁴ (1997 г.), была отмечена необходимость прояснить влияние риторическое образования на способ рассмотрения библейских текстов. Применительно к Златоусту этот вопрос попытался разрешить Л. Турен¹⁵. На материале комментария Златоуста на послание апостола Павла к галатам он показал, что Златоуст прекрасно идентифицирует и интерпретирует приемы и тактику апостола, сосредоточивая внимание на прояснении замысла апостола и способах убеждения.

О необходимости исторической, а не только систематической основы при исследовании риторики отцов высказался М. Хит¹⁶ (2004 г.). Он показал, что современные попытки отнести жанр послания к одному из трех стандартных классов античной технографии (судебному, совещательному или торжественному красноречию) неверны в терминах древней теории, поскольку риторическая теория II–IV веков претерпела ряд изменений по сравнению с более ранней «технической» литературой. Для ее реконструкции М. Хит предлагает обратиться к риторическому анализу святоотеческих текстов и, в частности, текстов Златоуста.

В рамках следующего лексико-фразеологического направления внимание исследователей было сконцентрировано на изучении лексического и фразеологического уровня текстов Златоуста, как источника, свидетельствующего о литературном влиянии. Начало этих исследований положили три статьи 1930-х гг. П. Колемана-Нортонна, в которых были собраны прямые и скрытые

¹⁴ Kinzig W. The Greek Christian Writers, in S. Porter, Handbook of Classical Rhetoric in the Hellenistic Period 330 B.C. – A.D. 400. Leiden, 1997, p. 633–70.

¹⁵ Thurén L. John Chrysostom as a Rhetorical Critic: The Hermeneutics of an Early Father // BibInt 9, 2001, p. 180–218.

¹⁶ Heath M. John Chrysostom, Rhetoric and Galatians // BibInt 12, 2004 p. 369–400.

цитаты из античных философов, греческих поэтов и Иосифа Флавия¹⁷.

Более глубокий анализ лексико-фразеологического уровня текстов представлен в работах А.-М. Малингрей 1960-80-х гг., которая разработала строгий метод лексического анализа, продемонстрированный в ее диссертации 1961 г.¹⁸

В следующем году была опубликована работа Г. Фабрициуса об исследовании классицизма IV века¹⁹, в которой была рассмотрена лексика Златоуста, характерная для классического, эллинистического, и христианского времени. Ряд ключевых для Златоуста слов и понятий были исследованы в отдельных работах 1990-х гг. Г. Бартелинка, Л. Бротье и Ф. Дрюэ.

Диапазон исследования лексико-фразеологического уровня текста существенно расширился с появлением компьютерных поисковых программ. Анализ, основанный на сравнении значительного числа примеров и параллельных мест, представлен в работе М. Керча²⁰ (1995 г.). Были зафиксированы стилистические приемы Златоуста и выявлены его лексико-фразеологические особенности. Методический подход построен на выборе определенных парадигм и их анализе с привлечением параллельных мест из других текстов.

Лингвистическое направление представлено в основном работами середины XX века, посвященными исследованию синтаксиса Златоуста. В работе Ф. Дикинсона²¹ (1926 г.)

¹⁷ Coleman-Norton P.R. *St. Chrysostom and the Greek Philosophers* // *Classical Philology*, 1930, Vol. 25, p. 305-317; *St. Chrysostom's Use of Josephus* // *Classical Philology*, 1931, Vol. 26, p. 85-89; *St. Chrysostom's Use of the Greek Poets* // *Classical Philology*, 1932. Vol. 27, p. 85-89.

¹⁸ Malingrey A.-M. "Philosophia": Étude d' un groupe de mots dans la littérature grecque, des Présocratiques au IVe siècle après J.C. Paris, 1961.

¹⁹ Fabricius C. *Zu den Jugendschriften Joannes Chrysostomus. Untersuchungen zum Klassizismus des vierten Jahrhunderts.* Lund, 1962.

²⁰ Kertsch M. *Exempla Chrysostomica: zu Exegese, Stil und Bildersprache bei J. Chr. Graz*, 1995.

²¹ Dickinson F.W.A. *The Use of the Optative Mood in the Works of St. John Chrysostom.* Washington, 1926.

рассматривается история оптативного наклонения, его функции в греческом языке и у Златоуста, приведены данные статистики. Показано, что проповедник следует аттической норме употребления оптатива, хотя иногда наблюдается и ряд отклонений, объясняющихся влиянием разговорного *κοινή*.

В работе 1939 г. М. Соффрея исследован синтаксис Златоуста в гомилиях *О статуях*²². Отмечено влияние классической аттической традиции, в частности, в употреблении простого предложения, так и сложных периодов. Показано, что в некоторых случаях Златоуст следует разговорной тенденции, смешивая наклонения и путая отрицания.

Наконец, в работе Г. Фабрициуса²³ (1962 г.), были рассмотрены особенности синтаксиса Златоуста, отличающие его от классических авторов. Было указано употребление сепарационного генетива при глаголах движения, крайне редкое употребление местоимения *ὅστις* и отсутствие двойственного числа.

Ритмическое направление изучения технического инструментария Златоуста охватывает ряд вопросов, касающихся ритмической практики позднеантичной прозы, которые встали перед исследователями конца XIX века и по сей день не получили однозначного разрешения. Начало исследованиям в этой области положила диссертация Э. Буви, в которой было отмечено наличие у некоторых позднеантичных ораторов акцентуированного дактилического завершения²⁴. Затем вышло эпохальное исследование В. Мейера²⁵ (1898 г.), сформулировавшего свой известный ритмический закон о регулировании двух последних ударений перед смысловой паузой. Отмечено подробное

²² *Soffray M.* Recherches sur la syntaxe de saint Jean Chrysostome d'après les Homélie sur les statues. Paris, 1939.

²³ *Fabricius C.* Zu den Jugendschriften Joannes Chrysostomus. Untersuchungen zum Klassizismus des vierten Jahrhunderts. Lund, 1962.

²⁴ *Bouvy P.E.* Poètes et mélodes. Étude sur les origines du Rythme tonique dans l'hymnographie de l'église grecque. Nîmes, 1886.

²⁵ *Meyer W.* Der accentuirte Satzschluss in der griechischen Prosa vom IV bis XVI Jahrhundert. Göttingen, 1891.

обсуждение этого закона филологами первой трети XX века и последующий интерес ученых к разработке и уточнению способа исследования ритмических клаузул.

Показано, что главная заслуга в методике исследования ритма принадлежит польскому филологу Ст. Скимине. В его диссертации (1927 г.) было детально разработано понятие форм и типов акцентуированных клаузул и показано, как можно применять на практике эту систему²⁶. Значительное место в работе было уделено вопросу о «качестве» клаузул Златоуста и доказано, что речь Златоуста, бесспорно, является ритмической.

Изучение технического инструментария является важной составляющей и для критического направления. В течение последних пятидесяти лет велась плодотворная работа по установлению критериев авторства Псевдо-Златоустова корпуса. В качестве одного из критериев при филологическом анализе текстов, наряду с внутренней критикой текстов и рукописными данными, применялся и стилистический критерий, который включал в себя как исследование лингвистических моделей, так и лексико-фразеологических особенностей (лексемы, устойчивые выражения, способы обращения к аудитории, доксологии и др.).

Среди исследователей первой половины XX века, опиравшихся на стилистический критерий для доказательства авторства, следует назвать И. Целлингера, Х. Альтендорфа, К. Мартэна и Б. Маркса, расширивших научные представления об авторстве Севериана Гавальского и Прокла Константинопольского.

Во второй половине XX века филологический критерий, особенно лексико-фразеологический аспект, использовал А. Венгер при атрибуции текстов как подлинного Златоуста, так и текстов Севериана Гавальского. Особого упоминания заслуживает французский ученый М. Обино. Почти все его работы снабжены

²⁶ *Skimina St. De Joannis Chrysostomi rhythmio. Cracow, 1927.*

характеристиками стиля и словаря автора²⁷. Среди последних исследований можно назвать статью Ю. Кечкемети, которая проанализировала стилистические особенности Псевдо-златоустовых гомилий, таких как драматический элемент и обращение к фиктивному оппоненту²⁸.

Значительный вклад в дело установления границ корпуса внес С. Войку. В статьях 1982 г. и 1983–1984 гг.²⁹ он разработал методiku анализа текстов Псевдо-Златоуста, базирующуюся на дифференциации стилистических маркеров, которые свидетельствуют о той или иной атрибуции текстов. Были выделены две категории «стилем»: контекстуальные и не-контекстуальные и разработан закон их соотношения.

Во **ВТОРОЙ ГЛАВЕ** диссертации, **Вторая софистика как феномен позднеантичной риторики** (с. 35–66), рассматривается такое явление позднеантичной риторики, как Вторая софистика: свидетельства современников о культуре и характере софистического выступления, о лингвистических и стилистических направлениях, и ораторской технике. Рассматриваются христианские теории стиля.

В параграфе 2.1 Концепция «Вторая софистика» (с. 35–43) исследуется это понятие у современных исследователей и античного интеллектуала Флавия Филострата, впервые употребившего термин «Вторая софистика». Показано, что современные исследователи не имеют единой точки зрения по этому вопросу. Вторая софистика понимается применительно и к историческому периоду, и к культурному духу своего времени, и к социально-политической роли. Для Филострата же это было

²⁷ См. например, Aubineau M. Restitution d'un Ps.-Chrysostome «In nativitatem salvatoris» // Orpheus 11, 1990, p. 84–110.

²⁸ Kecskeméti J. Deux caractéristiques de la prédication chez les prédicateurs pseudo-chrysostomiens: la répétition et le discours fictif // Rhetorica 14, 1996, p. 15–36.

²⁹ Voicu S. Le corpus pseudo-chrysostomien. Questiones préliminaires et état des recherches // SP, XVII, 3, 1982, p. 1204; Nuove restituzioni a Severiano di Gabala // Riv. di Studi Biz. E Neoell., t. 30–31, n.s. 20–21, 1983–84, p. 3–24.

достаточно узкое понятие, означавшее совокупность ораторов, занимавшихся торжественным красноречием (*ἐπιδεικτική*), достигшем расцвета во II-III вв. н.э.

Далее рассматривается историко-культурный контекст, в котором возникла и развивалась Вторая софистика. Обсуждаются ее доминирующие идеалы, такие как *φιλοτιμία* и *παιδεία*. Рассмотрен контекст софистической практики, в частности, понятие импровизации, игравшей важную роль при ораторском выступлении. Упоминаются сохранившиеся до наших дней *μελέται*, «риторические упражнения», Марка Антония Полемона, Герода Аттика, Адриана Тирского, Лесбонакса и Элия Аристида. Рассматриваются и другие софистические жанры, например, адоксосографические произведения Лукиана из Самосаты.

В параграфе 2.2 Культура и характер софистического выступления (с. 43-50), исследуется коммуникативный багаж Второй софистики, роль таких аспектов, как внешний облик, жесты и интонация, которые содействовали диалогу с аудиторией. Рассматриваются понятия о теме выступления (*ὑπόθεσις*) и импровизации (*αὐτοσχεδιάζειν*). Обсуждаются околонуточные физиогномические трактаты от Псевдо-Аристотелевой *Φυσιогνομικῆς* до трактата Марка Антония Полемона. На ряде примеров из Филострата показаны качества, необходимые софисту для поддержания своего статуса и основные приоритеты софистических устремлений. Рассматриваются софистические идеалы мужественности в отличие от женоподобия, эллинства в отличие от варварства и благородства в отличие от низкого происхождения. На примере Фаворина и Лукиана исследуется место инноваций (*νεωτερισμός*) и критерий уместности (*ἐν καιρῷ*) в софистическом исполнении. Анализируется агонистический характер Второй софистики.

В параграфе 2.3. Лингвистические и стилистические направления (с. 50-58) рассмотрен интеллектуальный аппарат,

лежащий в основе Второй софистики, и споры о языке и стиле. При анализе мы исходили не из технических трактатов, а непосредственно из свидетельств о той или иной практике, поскольку авторы трактатов скорее предписывали, чем описывали общепринятые языковые нормы. Было показано сосуществование нескольких стилистических направлений внутри Второй софистики и разница, существовавшая между письменным и разговорным языком. Обсуждаются лексиконы аттических слов и их строго практическая направленность. Отмечены технические трактаты позднеантичной риторики, посвященные теории стиля и правильному расположению материала: Гермогена, Теона, Апсина, Трифона, Менандра ритора и ряда важных анонимных текстов. На примере из Филострата и *Риторического искусства* Дионисия Галикарнасского (скорее принадлежащего автору II века) показано, что консервативные тенденции учебников уравнивались требованием новшеств на практике.

В параграфе 2.4. «Образная» речь (с. 58-61) исследуется образная или фигуральная речь (*λόγος ἐσχηματισμένος*), ставшая предметом изучения многих древних авторов. Упоминаются посвященные специально употреблению фигур трактаты Александра Нумения, Псевдо-Геродиана и Псевдо-Лонгина «О возвышенном». Акцентируется внимание на указанной Филостратом двусмысленности (*τὸ ἐπιμφότερον*) употребления фигур речи. Отмечаются особенности использования фигур речи в энкомиях императорам по свидетельству Менандра ритора и Элия Аристида. Указана роль аллегории и перифразы в софистических декламациях, оставлявшая возможность разных толкований.

В параграфе 2.5. Христианские теории стиля (с. 61-66) речь идет об отношении христианских авторов к греческой *παιδεία*. Обсуждается отношение отцов Церкви к библейскому стилю. Отмечено, что многие христианские авторы (например, Татиан, Ориген, Феодорит Кирский и Иоанн Златоуст), признавая стилистические изъяны Библии, считали, что для проповеди

необходим именно такой простой язык, понятный каждому. Показано двойственное отношение отцов Церкви к эллинскому образованию и риторике. Одни авторы (Татиан, Тертуллиан, Епифаний Кипрский) отвергали греческую культуру и образование. Другие (Исидор Пелусиот, Аполлинарий Лаодикейский, Василий Кесарийский) пытались создать синтез между классическим наследием и христианской проповедью. Показано, что большинство авторов IV века, и в частности, Иоанн Златоуст были сторонниками стилистической простоты (*ἀφέλεια*) — идеала, заимствованного из риторической теории Гермогена, однако считали возможным заимствовать эллинские стилистические нормы, если это подходило предмету повествования.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ фигуры и тропы в текстах Иоанна Златоуста (с. 67–123) рассмотрены ораторские приемы Иоанна Златоуста. Были выбраны сочинения разных периодов, и результаты исследования представлены в виде сравнительных таблиц частоты употребления. Каждый из параграфов снабжен ссылками на античные источники, дающие определение тому или иному приему и примерами из текстов.

В параграфе 3.1 фигуры многословия (с. 68–72) рассмотрено употребление перифразы, плеоназма, фигур арсиса и тесиса. Выяснено, что эти фигуры, особенно плеоназм, можно признать отличительной чертой стиля Иоанна Златоуста, на что указывает частота их употребления. В ранних сочинениях они встречаются несколько чаще, чем в сочинениях позднего периода. В среднем они повторяются один раз на 7–9 строк.

В параграфе 3.2 фигуры повторения (с. 72–78) рассматриваются фигуры удвоения, эпанафоры, антистрофы, симплоки, анастрофы, киклоса и климакса. Сделан вывод о том, что Златоуст достаточно часто использует фигуры повторения, от одного раза на 15 строк в ранних сочинениях до одного раза на 27 строк в сочинениях константинопольского периода. Чаще

всего употребляется эпанафора, которая является одной из отличительных черт эпидейктического красноречия.

В параграфе 3.3 Фигуры созвучия (с. 78–84) исследуется частота употребления в текстах Златоуста фигур паронимии, полиптотона, аллитерации, ассонанса и паремезы. Показано, что оратор достаточно часто и свободно использует эти фигуры, и примечательна не только частота, с которой он употребляет эти фигуры, но и их тщательная разработанность и разнообразие. В целом эти фигуры встречаются один раз на 10–18 строк.

В параграфе 3.4 «Драматические» фигуры (с. 84–90) рассматриваются фигуры, которые вводят в повествование элементы диалога: асиндетон, полисиндетон, риторический вопрос, восклицание, парентеза, литота и ирония. Показано, что чаще всего Златоуст употребляет асиндетон, полисиндетон и риторический вопрос. В большинстве случаев примеры достаточно простые, распространенные фигуры встречаются реже, но оратор употребляет их часто, оживляя и усиливая свою речь. Парентеза и литота появляются редко и не имеют большой риторической выразительности. Отмечено, что эти фигуры можно считать отличительной чертой стиля Иоанна Златоуста.

В параграфе 3.5 Фигуры аргументации (с. 90–95) обсуждаются приемы, которые часто использовались в судебном красноречии и придавали речи черты драмы и диалога: диапоресис, эпидиортосис, прокаталепсис, просопопея, диалектикон, ипофора и продиортосис. Показано, что Иоанн Златоуст достаточно редко употреблял эти фигуры. Они встречаются от одного раза на 58 строк в ранних сочинениях до одного раза на 132 строки в константинопольский период. Отмечено, что проповедник предпочитает те фигуры, которые оживляют текст – эпидиортосис, просопопею и диалектикон. Показано, что в целом фигуры аргументации нельзя считать отличительной чертой стиля Златоуста.

В параграфе 3.6 Приемы ораторов «Второй софистики» (с. 95-100) объединены риторические приемы, которые не имеют между собой общих признаков кроме того, что их часто использовали ораторы Второй софистики. К ним были отнесены гипербатон, оксюморон и парадокс, гипербола, антономасия и антитеза. Показано, что за исключением гипербатона Златоуст использует эти риторические приемы достаточно редко. Встречается много ярких примеров антитезы и антономасии.

В параграфе 3.7 Горгиевы фигуры (с. 100-108) рассматриваются фигуры параллелизма: парисон, гомеотелевт и антитеза, так называемые «горгиевы фигуры». Отмечено, что с ними тесно связаны исоколон и хиазм. Показано, что в целом Златоуст довольно часто использует симметричную структуру. Эти фигуры встречаются приблизительно один раз на 9 строк в ранних сочинениях и один раз на 12 строк в последний период. Отмечено, что обычно встречаются две симметрично расположенные фразы, но иногда три и более.

В параграфе 3.8 Метафора (с. 108-116) отмечено, что, используя наглядные образы, оратор делал свои мысли более убедительными, а абстрактные богословские понятия более доступными. Показано, что в выборе источников образности ощущается влияние Ветхого и Нового заветов, однако чаще образы заимствуются из окружающей жизни: спортивных состязаний, мореплавания, конных скачек, земледелия, медицины, права, явлений природы. Отмечены многообразные и развернутые метафоры. В среднем метафоры встречаются один раз на 30 строк и являются одной из отличительных черт его стиля.

В параграфе 3.9 Сравнение (с. 116-120) показано, что источники сравнения те же, что и у метафоры. Часто используются распространенные и смешанные сравнения с использованием нескольких образов. Этот прием встречается приблизительно одинаково во всех периодах, в среднем от одного раза на 53 строки до одного раза на 73 строки.

Отмечено, что частота употребления и степень разработанности сравнения является одной из наиболее отличительных черт его стиля.

В параграфе 3.10 Экфразы (с. 120-123) отмечается, что Златоуст употреблял этот прием довольно редко и почти не использовал софистические темы. Большинство примеров – это либо описание библейских событий и персонажей, которые служили иллюстрацией и подтверждением его наставлений, либо поучительные рассказы из жизни.

В ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ Ритм в текстах Иоанна Златоуста (с. 124-158) рассматривается методика изучения ритма: понятие клаузул, форм и типов ритма. Анализируются тексты Златоуста, объединенные разных периодов, отобранные по принципу репрезентативной выборки. Целью данной главы является выяснить, что отличает ритм каждого из периодов, что отличает ритм Златоуста от ритма его современников, и может ли ритм служить критерием аутентичности текстов Псевдо-Златоуста корпуса.

В параграфе 4.1 Способ и метод исследования (с. 124-134) исследуются типы пауз: *graviore*s (в конце предложения) и *leviore*s (перед колоном и коммой), и типы клаузул: *C1* (перед паузами *graviore*s) и *c1* (перед паузами *leviore*s). Остальной текст обозначен как *T* (текст), а вся речь целиком как *Ct* (контекст). Были выделены формы ритма (*f*), под которой подразумевается слоговой интервал между двумя ударениями (0, 1, 2, 3, 4, 5 и 6) и типы ритма, которые означают позиции ударений в двух последних словах перед паузой с учетом послеударной части последнего слова. Последние слова были обозначены как *posteriora*, а предпоследние как *superiora*. Исследуется и ритм текста в сравнении с клаузулами, чтобы определить: 1. к каким формам и типам ритма автор стремился; 2. какие ритмические особенности присущи автору, а какие

самой природе языка. Была рассмотрена роль служебных слов при вычислении ритма, и приведены условные обозначения.

В параграфе 4.2 Исследование ритма Иоанна Златоуста (с. 134-158) рассматривается ритм Златоуста в сочинениях разных хронологических периодов и ритм Златоуста наряду с другими позднеантичными ораторами – Либанием, Северианом Гавальским и Проклом Константинопольским.

В параграфе 4.2.1 Ритм в сочинениях разных периодов (с. 134-142) выделены три хронологические группы текстов Златоуста, и исследовано, может ли ритм служить критерием той или иной датировки произведения. На основании полученных статистических данных сделан вывод о формах и типах ритма, характерных для каждого из периодов. Показано, что для установления хронологии сочинений Иоанна Златоуста первостепенное значение имеет тип $f \ 2 \ PO$ (Paroxytonon-Oxytonon), слова Superiora $f \ 2 \ P$ (Paroxytonon) и слова Posteriora $f \ 2 \ O$ (Oxytonon), которые имеют разные показатели в ранних и поздних сочинениях.

В параграфе 4.2.2 Ритм Златоуста в контексте текстов позднеантичной риторики (с. 142-158) проведено сравнение полученных ритмических характеристик Иоанна Златоуста с ритмом его современников: Либания и двух предполагаемых авторов Псевдо-Златоустова корпуса – Севериана Гавальского и Прокла Константинопольского. В ходе исследования установлены обоснованные статистическими данными ритмические критерии текстов Златоуста, отличающие их как от текстов Либания, так и от двух других авторов Псевдо-Златоустова корпуса. Установлено, что при разрешении вопроса аутентичности важно обращать внимание на тип PO (Paroxytonon-Oxytonon), особенно в $f \ 2$; на употребление и соотношение $f \ 1, 2, 3$; на преобладающее число слов posteriora O (Oxytonon) и чередование слов posteriora O (Oxytonon) и P (Paroxytonon).

Была дана оценка ритмическому своеобразие и трех других ораторов.

В **Заключении** (с. 159–163) подводятся итоги диссертационной работы, и делаются обобщения и выводы как в научно-теоретическом, так и практическом плане. Показано, что выбранный статистический и системно-аналитический подход вполне оправдал себя и дал позитивные результаты исследования.

1) Впервые проведен подробный библиографический обзор направлений, в рамках которых исследовался риторический инструментарий Златоуста, показаны достигнутые результаты в этой области, существующие пробелы и актуальность дальнейших исследований.

2) Проанализировано такое сложное явление, как Вторая софистика. В ходе исследования выяснилось, что оно представляло собой не узко лингвистическое направление, но культурное явление в целом. Обнаружено, что в декламациях самое пристальное внимание уделялось исполнению произведений; язык и стиль были глубоко теоретизированы, и высоко экспериментальны; было усвоено искусство «образной речи» и манипуляции аллегорическим повествованием. Показано, что интерпретация этих многоуровневых текстов требует всестороннего анализа и осторожности в оценках.

3) Рассмотрены христианские теории стиля. Прослежена традиция «простого» стиля, заимствованная из риторической теории Гермогена, и отмечен принцип «уместности», выдвигаемый многими отцами Церкви IV века.

4) Впервые дан сравнительный анализ употребления тропов и фигур в сочинениях Иоанна Златоуста разных хронологических периодов. Отмечены наиболее характерные риторические приемы Златоуста, которые могут служить критерием для установления аутентичности его текстов.

5) Проработана методология исследования ритмических клаузул. Исследован ритм сочинений Златоуста разных хронологических периодов, определены ритмические закономерности каждого из периодов и установлены надежные критерии для уточнения датировки его сочинений.

6) Впервые ритм Златоуста рассмотрен в сравнении с другими возможными авторами Псевдо-Златоустова корпуса – Северианом Гавальским и Проклом Константинопольским. Полученные данные позволили сделать обоснованные выводы как о ритмическом своеобразии Златоуста, так и о ритме этих авторов, что имеет непосредственную практическую значимость.

В **Приложении I Ритмические таблицы** (с. 164-169) приводятся статистические данные исследования ритма, указан как средний процент употребления форм, так и диапазон минимальных и максимальных значений.

В **Приложении II Ритм в качестве дополнительного критерия при установлении аутентичности текстов** (с. 170-182) проведен ритмический анализ трех текстов из Псевдо-Златоустова корпуса: гомилии *In natale Domini nostri* (CPG 4657), гомилии *De Chananaea* (CPG 4529) и гомилии *In nativitatem Salvatoris* (CPG 5068), аутентичность которых остается дискуссионной. Доказана практическая ценность ритмических данных при установлении подлинности текстов Псевдо-Златоустова корпуса.

В конце работы приводится **Список использованной литературы** (с. 183-199).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии:

1. Свт. Иоанн Златоуст. Огласительные гомилии, Тверь, «Герменевтика», 2006 (вступ. статья, пер., прим.). Сс. 122.

Статьи:

1. Иоанн Златоуст. Четыре огласительные гомилии (серия А. Пападопуло-Керамевса) // Вестник Древней Истории. Москва,

2005. № 1, с. 261-281, № 2, с. 208-219 (вступ. статья 0, 5 п. л., пер. и комм. 2, 25 п. л.).

2. Максим Исповедник. Избранные толкования из *Ambigua*. (под ред. Д.Е. Афиногенова) // Вестник Древней Истории. Москва, 2006. № 3, с. 235-250 (пер. и комм. 1, 2 п. л.).

3. Огласительные гомилии свт. Иоанна Златоуста (серия А. Венгера, 1-2) // Альфа и Омега, Москва, № 2, 2000, с. 89-109, № 3, 2001, с. 81-90. (вступ. статья 0,6 п. л., пер. 1,5 п. л.)

Переводы:

1. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I-VIII веков. Новый завет, VII. Первое и второе послания ап. Павла к Коринфянам, Тверь, «Герменевтика», 2006 (пер. и комм. в соавторстве).

2. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I-VIII веков. Новый завет Ia, Евангелие от Матфея 1-13, Тверь, «Герменевтика», 2007 (пер. и комм. в соавторстве).

3. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I-VIII веков. Новый завет Ib, Евангелие от Матфея, 14-28, Тверь, «Герменевтика», 2007 (пер. и комм. в соавторстве).

4. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I-VIII веков. Ветхий Завет VI. Книга Иова, Тверь, «Герменевтика», 2007 (пер. и комм. в соавторстве).